

ГЕРМАНИЯ. ВЫЗОВЫ XXI века

Институт Европы РАН откликнулся на насущные вызовы третьего тысячелетия серией работ под сводным титулом “Старый Свет – новые времена”. Это знаковое событие. Оно само по себе заслуживает признательности научного сообщества и внимания широкой общественности. Особенно сегодня, когда на сломе эпох несть числа побасенкам, слышущим за “свежайшее” прочтение былого.

Вчитываясь в исследование, посвященное Германии¹, хочу прежде всего отметить широкий охват тем и готовность многих авторов бурить в разведывании правды на глубину, пусть по известным причинам лишь частично достижимую, той правды, без которой трудно распознать параметры и каверзы грядущего.

К несомненным достоинствам монографии следует отнести введение в оборот сведений, весомых, полагаю, не только для германоведов. Если отвлечься от повторов, где-то для усвоения даже полезных, архитектурника книги кажется привлекательной. Вполне оправдано, что большую половину книги заняла экономическая проблематика: несущей опорой влияния Германии в мировом сообществе были и остаются ее динамичные производственный потенциал и созидательный интеллектуальный капитал.

Приводимые в этом контексте материалы и аргументы приглашают к осмыслению на немецком примере пестрого спектра процессов, не замыкающихся на отдельные группы стран или континенты. Не стану апеллировать к К. Марксу, коего немцы сегодня заново открывают для себя. Дадим слово беспартийному А.П. Чехову: “Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения”. Из этой таблицы Россию тоже не вычеркнешь. Авторы² подводят читателя к заключению, что глобализация в нынешнем исполнении не есть панацея от бед, а “объединенная Европа” пока не стала слаженным ансамблем. Многоголосое пение, столь почитаемое в хоровом искусстве, остается весьма затратным при переводе деклараций в дела.

Не все оценки, как и подачу причинно-следственных сцепок в европейском и глобальном развитии после Второй мировой войны, можно признать безусловно доказанными. Где-то сказывается субъективный настрой или пробелы в осведомленности относительно обстоятельств, реально программировавших ход событий. Временами чувствуется склонность к движению в обход острых углов, к игре в поддавки по чужим правилам. Нужно ли это? По мне, лучше пропись А.С. Пушкина – “не оправдывать или обвинять, подсказывать речи; его (драматического поэта) дело воскресить минувший век во всей его истине”. Тем более, это дело и долг историков.

Кто столкнул человечество в пучину Первой мировой войны? Каковы генезис и природа Второй мировой? Чем являлась “холодная война” и закончилась ли она? Прежде под надзором “свыше” многие исследователи довольствовались эзоповым

Фалин Валентин Михайлович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

¹ Германия. Вызовы XXI века. Под ред. В.Б. Белова. М.: изд-во “Весь мир”, 2009, 792 с.

² Абрамова С.В., Баранова К.К., Белов В.Б., Вильде А.А., Вяткин К.С., Жестков А.М., Максимычев И.Ф., Павлов Н.В., Паньков В.С., Романова Е.В., Рыкин В.С., Тимошенкова Е.П., Циренщиков В.С., Шенаев В.Н.

языком. Ныне, когда дозволено вещать все, легко разучиться думать и забыть, что в отличие от физики, в политике отрицательное не отталкивает отрицательное, но притягивает.

Имелась ли альтернатива “холодной войне” по номинальному окончанию войны горячей? Да, таковая была налицо. Ее сформулировал, представляя 1 марта 1945 г. конгрессу Ялтинские договоренности, президент США Ф. Рузвельт: “Мир, который мы строим, не может быть американским миром или британским, или русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, основывающимся на совместных усилиях всех стран”. Президент предостерегал, что “мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество или мы будем нести ответственность за новый мировой конфликт”. Преемник Рузвельта на посту президента США Г. Трумэн ответственности за изведение наследия антигитлеровской коалиции, за превращение политики в продолжение войны другими средствами не убоился.

Стало быть, отслеживая случившееся после 1945 г., стоило бы избегать анонимных оборотов, типа “Германия была расчленена” или сомнительных сентенций вроде – “пала социалистическая система, восходившая своими корнями к Октябрьской революции в России и к разгрому нацистской Германии” (с. 130). С осени 1918 г. по декабрь 1991 г. в Советском Союзе правил бал “военный коммунизм” – крестный сын “демократов” и “поборников прав человека”, не одаривших Отечество наше ни часом по настоящему мирного неба. Н.С. Хрущев обручил ГДР с прусским изданием “реального социализма” в 1953 г. после того, как США, Англия и Франция впрягли ФРГ в военную колесницу НАТО. До этого ориентиром являлась установка – в стратегических интересах СССР становление добрососедской Германии с внутренним устройством примерно веймарской модели.

Не стану умножать число ремарок – отдельные стилистические или смысловые погрешности не умаляют качества вложенного в монографию труда при том, надеюсь, общем понимании, что авторы не претендовали на формулирование постулатов. Изначально задавались обобщения, не доводимые до схематизма. Приходится поневоле постоянно оглядываться на то, что огромный массив информации лежит под спудом. “Демократы” отнюдь не спешат открыть свои скроны. Да и в России, копни на полный заступ, сыскались бы разгадки многим загадкам. Отсюда напрашивается пожелание избегать упрощений и аккуратней “остепенять” гипотезы.

Примем к сведению, что Москва располагала достоверными данными о намерениях Лондона еще до окончания горячей фазы войны в Европе вести дело к вооруженному конфликту с СССР (операция “Немыслимое”). Не была секретом и смена вех в Вашингтоне. После кончины Рузвельта Олимп оседлали оголтелые приверженцы “пакс Американа”. Отвечая на вопрос, в чем отличие “холодной войны” от обычной, Трумэн заявлял, что эта та же война, ведомая другими средствами. Впрочем, президент лукавил, ибо “холодная” стадия противоборства была ни чем иным, как обустройством предполя для всеуничтожающего превентивного удара по “противнику” с применением ядерного, химического и биологического оружия. Час апокалипсиса в отдельно взятой стране и ее окрестностях увязывался не с мнимыми советскими угрозами, а с накоплением у США подавляющего превосходства, предохраняющего их (судьба попутчиков не волновала) от возмездия. С конца 1946 г. в основу американских военно-политических доктрин закладывался принцип: какую бы политику ни проводила Москва, само существование Советского Союза не совместимо с безопасностью США.

Сомневающимся рекомендую поучительную книгу М. Каку и Д. Аксельрода “Ставка на победу в ядерной войне”, к сожалению, не переведенную на русский и другие иностранные языки³. Эта работа американских ученых в подробностях объяс-

³ *Kaku M., Axelrod D. To Win a Nuclear War. The Pentagon's Secret War Plans South End Press. Boston. 1987.*

няет, почему атомный ад не состоялся, хотя мир не единожды находился буквально на краю небытия.

Если ядерный шантаж не был тайной, равно как реальные приготовления к испепелению России, то надлежит спрашивать себя, как должен был на это реагировать Сталин? До осени 1947 г. он тщательно избегал давать “демократам” поводы для бряцания оружием. Москва пыталась переиграть Вашингтон и его попутчиков политическими маневрами. Как бы то ни было, Советскому Союзу удалось за четыре напряженнейших года лишить США атомной монополии. Остался невостребованным заготовленный в Вашингтоне обширный набор казус белли, который венчала “война по идеологическим мотивам”. Однако нет уверенности в том, что сход Советского Союза с мировой арены побудил американских идеологов заняться генеральной чисткой своего военно-политического лексикона от русофобии.

Позвольте сделать пару замечаний об “интеграции Европы”. Тут нелишне различать форму и содержание или судить о начале по нынешнему состоянию дел. Париж обусловил свое согласие на формирование антисоветского фронта и создание сепаратного западногерманского государства возведением системы контрфорсов. Не для отражения эвентуальной советской экспансии, но против угроз со стороны преемников “второго” и “третьего” рейха. Именно таким являлся побудительный мотив учреждения “Евратома”, “Объединения угля и стали” и прочих институтов, устанавливавших опеку над соответствующими структурами Западной Германии. Параллельно конструировался механизм выкачивания из Германии средств, потребных для модернизации экономики ее западноевропейских партнеров, к примеру, французского сельского хозяйства. Попутно масштабными финансовыми изъятиями немецкая конкурентоспособность подравнивалась под французские, британские, бельгийские и т.п. образцы. Короче, Западную Германию сделали донором “общего рынка”. Эти закамуфлированные репарации немцы выплачивают по сей день. Попытки канцлера ФРГ Г. Шредера выволить страну из тенет, ущемляющих ее интересы, как резонно отмечено в монографии, не дали искомого результата.

Освещая западноберлинский сюжет, было бы уместно напомнить о том, как завязывался сей узел противоречий. В докладе Контрольного совета в Германии Совету министров иностранных дел (1947 г.) читаем: “В виду особого положения Большого Берлина, который является районом, оккупированным совместно четырьмя державами, ...и в то же самое время является столицей советской зоны оккупации”. Когда готовилась сепаратная денежная реформа для западных зон, эксперты трех держав не исключали, что советская сторона не преминет воспользоваться актом признания всего Берлина столицей восточной зоны. Отсюда колебания западников – распространять новую марку на отколотую ими часть Берлина или оглядеться. Но случился привычный для нашей правовой культуры прокол – этот козырь попросту выпал из советского поля зрения. О нем не вспомнили в 1949 г. при написании конституции ГДР, как и в 1958 г. при выдвижении Хрущевым идеи “вольного города Западного Берлина”.

Другое обстоятельство. Западный Берлин был превращен в “самую дешевую атомную бомбу”, заложенную в сфере стратегических интересов СССР. Американцы разместили здесь крупнейший зарубежный филиал ЦРУ и координационные центры командования НАТО. Сошлюсь на признание американского эмиссара, руководившего подрывными операциями из Западного Берлина. По его словам, возведение в августе 1961 г. разделительной полосы между западной и восточной частями города “на два года вывело из строя инфраструктуру театра военных действий”, которая обустроивалась “демократами” и которая, естественно, не ограничивалась территорией ГДР. Именно военно-стратегическим интересам Варшавского Договора отдавался приоритет при сопоставлении всех “за” и “против” обоюдострого решения привести к единому знаменателю демаркационную линию, разделявшую Германию, и рубежи, разграничивавшие два военных блока.

Хронология эволюции в позициях Бонна и Восточного Берлина по объединению страны может вычитываться по разному, ибо у каждого поколения свой политический

и социальный слух. В моем представлении начало дестабилизации ГДР правильнее соотносить с кризисом 1953 г., а еще точнее – с неадекватными выводами, делавшимися руководством как СЕПГ, так и КПСС из тогдашних событий. Москва свернула знамя немецкого единства и позволила “демократам” перекраситься из Савла в Павла, увести в тень спорную в восприятии европейцев проблематику возрождения германского милитаризма.

Советская сторона не реагировала должным образом на сигналы, подававшиеся оппонентами канцлера К. Аденауэра (О. Йоном, Ф. Шэфером и А. Шпрингером) на “германский план” СДПГ, на модели, обсуждавшиеся в лагере свободных демократов. В ГДР глушились здоровые голоса в СЕПГ, невзирая на то, что республике было не дано замкнуться в собственной скорлупе ни экономически, ни информационно, ни человечески. Почти две трети жителей Восточной Германии имели родственников на Западе, больше трети западных немцев опекали своих родственников в ГДР. Игра в жмурки с реальностями – всегда самообман, за ним неизбежно следует расплата.

Тени прошлого не просто кулиса происходящего. Оно опосредствованно так или иначе дает о себе знать. В монографии упоминается Гаагский международный трибунал по бывшей Югославии. Верно подмечено (с. 32 и с. 759), что немцы дали импульс принятию Совбезом ООН неуставного решения об учреждении данного института, дабы “не заскучал” Нюрнбергский трибунал. Похоже, через немецкий, и не только немецкий визир присматривались к другим неудачникам “холодной войны” – кандидатам для сходных судилищ. Неспроста кое-где в Германии появляются привязанные к местам размещения бывших советских комендатур отметины в “память жертв насилия”.

Каждый в меру осведомленный наблюдатель согласится, что Германия сыграла не последнюю роль в расчленении Югославии и тем в провоцировании кровопролития на многострадальной балканской земле. Недостает, однако, раскрытия скобок, откуда у официального Берлина такая неприязнь к сербам. Сменой режимов замысел не исчерпывался.

Окончательное урегулирование 1991 г., открывшее шлязы поглощению Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германия, на поверку оказалось не совсем-таки окончательным. Министр обороны ФРГ Ф. Рюз шел в авангарде поборников расширения НАТО, отзыва заверений, дававшихся М.С. Горбачеву канцлером ФРГ Г. Колем и госсекретарем США Дж. Беккером: дальше линии Одер-Нейсе НАТО ни на дюйм не сдвинется на Восток (с. 248). И всего-то минула пара лет с момента принятия “демократами” старой и новой школ данного обязательства. Монография не проиграла бы, займись авторы инвентаризацией того, насколько основательно международно-правовой принцип – заключенные договоры нерушимы – внедрился в государственную практику новой Германии.

Анализируя местоположение Германии в современном мире, порой “осовременивается” и тернистый путь к нынешнему величию. Властителей США влекли в немцах боевая хватка, способность держать удар, а также интерес к использованию германской территории в качестве плацдарма для агрессии против СССР, поскольку до середины 1950-х годов Вашингтон не обладал межконтинентальным оружием. Вместе с тем было бы чрезмерным сгущением красок утверждение, будто западногерманская политика до и в первые годы после создания ФРГ светила отраженным светом. Аденауэр и сподвижники не заблуждались – грамота об отпущении нацистского грехопадения у них в кармане и ни к чему перегибать с покаянием. Единственное, что требовалось, хотя не всегда удавалось, не забегать поперед батьки.

3 сентября 1949 г. Аденауэр предложил заключить мирный договор между ФРГ и тремя державами. Через год он едва не втянулся в переписку с О. Гротеволем об отлаживании взаимоотношений двух германских государств. Канцлер невпопад откликнулся в 1956 г. на англо-франко-израильскую агрессию против Египта. Опекуны одернули Аденауэра.

К чему это сказано? В книге читаем: до 1955 г. “практические шаги западногерманского правительства в международных делах говорили о его полной зависимости

от США. Поэтому достаточно трудно говорить о какой бы то ни было самостоятельной стратегии Бонна в странах третьего мира” (с. 287). Почему деполитизируется экономическая активность ФРГ? Только ли дипломатическим протоколом пробавлялись ее посольства? Загляните в справочники того времени, и вы убедитесь, что дипломатические миссии выполняли функции, сходные с деятельностью советских торгпредств. Причем, они не только торили тропы для немецких фирм, но и готовили опорные пункты для выхода ФРГ на широкий политический простор.

Как-то подзабылись раздумья Л. Эрхарда, взвешивавшего, не дальновиднее ли сориентироваться Бонну на необъятные заморские рынки вместо заклинивания на европейскую “шестерку”. СДПГ тогда же провела съезд, на котором третий мир обрел контуры “третьего пути” в стратегии ФРГ.

Расчленение Германии, превращение ее территории в не знавшие себе равных “лежбища ядерных и прочих систем массового поражения”, лишили три поколения немцев возможности реализовывать должным образом право на национальную идентичность. Тем не менее, генеалогическое древо не сникло. Взаимовлияние фрагментов бывшего рейха оказалось куда более многогранным, чем изображала восточная и западная пропаганда.

Приглядимся хотя бы к социальному аспекту. Правящие круги ФРГ тщательно регистрировали новации ГДР в трудовой сфере, здравоохранении, народном образовании, воспитании детей и подростков. Волей-неволей приходилось кое-что перенимать, а также отводить попытки американских кампаний насаждать в Западной Германии заокеанские нравы – деньги превыше всего. В тарифных переговорах работодателей и профсоюзов ФРГ до объединения Германии всегда незримо присутствовал третий участник – ГДР. С “перезагрузкой” с исчезновением “третьего лишнего” включился маховик демонтажа социальных гарантий.

«Восточная политика» Бонна после заключения Московского договора прописана в книге несколько прямолинейно. Не обнажается подтекст курса ФРГ в делах, касающихся контроля над вооружениями, обеспечения международной безопасности, общеевропейского сотрудничества, деколонизации. Упрощенно и местами искаженно подается позиция канцлера Г. Шмидта. Ему безосновательно приписывается ведущая роль в размещении “Першингов-2” и крылатых ракет в Европе (с. 230–231). Принижается значение “евростратегических вооружений” в раскладе сил (с. 239).

Немало возражений по главе “Российско-германские политические отношения”, особенно в части, посвященной горбачевской перестройке (с. 310–352). Оставляю без комментариев стиль. Главное другое. Х. Модров и Э. Кренц весьма нелестного мнения о прежних сочинениях, подающих действия лидеров ГДР в превратном ключе. Могу их понять и должен откликнуться, когда фривольно препарируется также моя позиция или подпускаются туры вокруг т.н. “демарша Португалова”. Монография данного профиля явно не годится для домислов.

В ряде записок, направлявшихся в 1986–1990 гг. лично М.С. Горбачеву, зафиксировано, какую линию я отстаивал. Одна из этих записок воспроизведена в сборнике “Михаил Горбачев и германский вопрос”⁴. Не собираюсь ничего добавить или убавить к тому, что в ней отражено или что было мною сказано 31 мая 1990 г. в Овальном кабинете Белого дома. Зрячий да разберется.

Естественно, проблемы, вобравшие в себя все перипетии биполярного мира, общим аршином не измерить. И все же в судный день придется иметь дело с правдой – одной на всех.

Не вижу оснований заканчивать свои размышления на минорной ноте. “Германия. Вызовы XXI века” – книга нужная, полезная, поучительная. Частные пробелы, погрешности, алогизмы цельности картины не нарушают. Взята солидная информационная высота, столь важная для распознавания тенденции развития нынешнего, далеко не совершенного миропорядка.

⁴ Михаил Горбачев и германский вопрос. М, 2006, с. 398–408.